

Н. ГУМИЛЕВ И В. ПЯСТ НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ СИМВОЛИЗМА

Александра Чабан
(Тарту)

Описывая эволюцию Н. Гумилева как поэта и критика, литературоведы часто отталкиваются от модели, предложенной еще в 1916 г. В. М. Жирмунским¹ (путь от символизма к его «преодолению»). Подобный подход представляется достаточно результативным, и работы М. Баскера², Н. Грякаловой³, О. Лекманова⁴, Р. Тименчика⁵ это подтверждают. Однако за рамками исследований зачастую остается вопрос о тактике Гумилева в продвижении нового направления, а также смежные с ним — о путях привлечения новых поэтов под знамя акмеизма и времени начала подобной деятельности.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании стратегии Гумилева на примере его творческих взаимоотношений с символистом В. Пястом. Исследователи обращались к характеристике творческих контактов Пяста и особенностей его символистского метода. Об этом говорится в работе З. Г. Минц «Переписка Блока с Пястом» [Минц], в комментариях Тименчика и Щербакова к переписке поэтов 1900–1910-х гг. (к примеру, Блока и Городеццкого [Тименчик 1981: 45–80]) и, наконец, во вступительной статье Р. Тименчика⁶ и его же подробных комментариях к мемуарному

¹ *Жирмунский В. М.* Преодолевшие символизм. М., 2001.

² *Баскер М.* Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000.

³ *Грякалова Н. Ю.* Н. С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 103–123.

⁴ *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.

⁵ *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме // Russian Literature. Amsterdam, 1974. № 7/8; *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. II // Russian Literature. Amsterdam, 1977. Vol. 3; *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. III // Russian Literature. Amsterdam, 1981. № 9.

⁶ *Тименчик Р. Д.* Рыцарь-несчастье // Пяст В. Встречи / Сост., вступ. ст. и коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 5–37.

эссе Пяста «Встречи». Вместе с тем, история временного творческого союза Пяста и Гумилева остается по-прежнему малоисследованной. В статье мы попытаемся восполнить некоторые ее лакуны.

Еще в 1908 г., будучи сотрудником газеты «Речь», Гумилев начинает цикл своих критических статей «Письма о русской поэзии». Первые «письма» Гумилева касаются только что вышедших книг стихов уже признанных мэтров: В. Брюсова, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, А. Белого. Именно в первых статьях Гумилев формулирует свое поэтическое кредо. Однако среди имен известных литераторов Серебряного века в статье за 6 июля 1909 г. появляется имя молодого поэта В. Пяста. Подобная неожиданность, вероятно, была запланирована.

В литературной среде за Пястом закрепилось амплуа «горячего сторонника новизны в искусстве и литературе» [Без подписи Бирж. вед.: 2], и такое мнение не было лишено оснований. Если проследить историю эстетических предпочтений поэта, то уже с первых шагов на поэтическом поприще можно заметить его устремленность в сторону новаторской поэзии. Так, еще в 1905 г. Пяст вступил в «Кружок молодых», где познакомился с С. Городецким. Кружок «задумывался как новаторский, и «молодые» в его названии должны были читаться как «новые». <...> Но новаторство кружка мыслилось и шире — как шаг в истории русского символизма», — пишет З. Минц [Минц: 178]. «По его <Городецкого. — А. Ч.> мысли, уже тогдашней, должен был быть чем-то оппозиционным по отношению к старшему поколению, кругу Вячеслава Иванова», — пишет В. Пяст [Пяст 1997: 61].

Начиная с 1908 г., В. Пяст находился в диалоге не только с С. Городецким, но и с другим будущим синдиком акмеистов, Н. Гумилевым. Оба литератора сошлись не только на почве критического отношения к Вяч. Иванову и его «Сред», но и в понимании необходимости дальнейшего движения русской поэзии. Эта мысль впервые высказана Гумилевым именно в рецензии на сборник стихов В. Пяста «Ограда» (1909 г.).

В статье, наряду с программным для символистской критики поощрением фиксации сиюминутного переживания, Гумилев делает основной акцент на искренности поэта и подлинности его чувств. Он пишет: «Стихи его <...> живут, как пущенная стрела, пронизывающим их трепетом полета. Иногда чувство доходит до такой напряженности, что создает почти явственный слепок мгно-

вения» [Гумилев. Пяст: 4]. Именно подлинность чувств Гумилев будет называть одним из важнейших критериев для «живого стиха»⁷. Примечательно также, что статья о Пясте выходит вслед за рецензией на сборник стихов «Урна» А. Белого (1909), в подлинности чувств которого Гумилев сомневался: «Поэт Белый быстро усвоил все тонкости современной стихотворной техники. Так варвар⁸ сразу принимает, что не надо есть рыбу ножом, носить зимой цветных воротников и писать сонетов в девятнадцать строк» [Гумилев. Белый: 4]. Образ Пяста как искреннего, но пока еще не совсем умелого поэта противопоставлялся образу умелого, но не искреннего Белого.

Характерно, что Белому Гумилев отказывает в культурности и благородстве — важным для него составляющим поэтического творчества: «Из всего поколения старших символистов Андрей Белый наименее культурен, — не книжной культурой ученых <...> в этой культуре он силен, <...> а истинной культурой человечества, которая учит уважению и самокритике, входит в плоть и кровь и кладет отпечаток на каждую мысль, каждое движение человека» [Там же]. Гумилев изначально замечает «благородное рождение» Пяста. В нем, пишет Гумилев, «Та же задумчивость, то же отсутствие позы и естественное благородство линий» [Гумилев. Пяст: 4], что и в английских прерафаэлитях. Известно, что не только символисты, но и Вл. Соловьев, которого Пяст также считал своим учителем, воспринимали прерафаэлитов как своих предшественников⁹. Для Гумилева эта группа флорен-

⁷ «Оно <стихотворение. — А. Ч.> должно иметь: мысль и чувство — без первой самое лирическое стихотворение будет мертво, а без второго даже эпическая баллада покажется скучной выдумкой» [Гумилев 1910: 7].

⁸ Образ Белого как «художника-варвара», по всей видимости, заимствован Гумилевым из стихотворения Пушкина «Возрождение»: «Художник-варвар кистью сонной / Картину гения чернит / И своей рисунк беззаконный / Над ней бессмысленно чертит». Немаловажно, что образ повторяется применительно к Белому и в мемуарах Пяста [Пяст 1997: 110].

⁹ Так, А. Белый описывал свои первые впечатления от посещения Соловьевых: «Передо мною возникли в первый же год посещения Соловьевых: прерафаэлиты, Боттичелли, импрессионисты, Левитан, Куинджи, Нестеров <...>» [Белый: 131].

тийских художников связывалась с представлением о высоком мастерстве, поскольку среди них был и Фра Анжелико — один из главных ориентиров в будущем акмеистическом пантеоне [Тименчик 1977: 287].

Сопоставив поэтический стиль Пяста с искусством прерафаэлитов, Гумилев не только назвал одну из линий предшественников символистов, но и подобрал для интересующего его символиста, Пяста, окружение, наиболее близкое и ему самому. Для сравнения: чтобы подчеркнуть художественную неполноценность А. Белого, Гумилев сопоставляет его с поэтами иного круга: «Он <Белый. — А. Ч.> уступает даже третьестепенным поэтам прошлого, вроде Бенедиктова, Мея или К. Павловой» [Гумилев. Белый: 4].

Соположение имен Пяста и Белого, по всей видимости, было далеко не случайным, поскольку Пяст во многом разделял взгляды Гумилева не только в отношении Вяч. Иванова, но и Белого. Позднее в мемуарах Пяст так описывал упадок таланта Белого в 1907–1909 гг., т. е. периода книг стихов «Пепел» (1908) и «Урна» (1909): «Кто следил за эволюцией таланта Б. Н. Бугаева, — не мог не подметить сильного кризиса в нем, наступившего в эпоху 1907–1909 гг. <...>. Его систематический ум сейчас же пошел по пути схемы. <...> Перерабатывая <...> свои стихи, Андрей Белый действительно настолько их портил, что надо было удивляться, куда в таких случаях девался его врожденный “большой вкус”», — вспоминал Пяст [Пяст 1997: 109–110].

Показательно, что через несколько лет после выхода рецензии, а именно в начале 1911 г., в газетах появится сообщение о публичной лекции Вяч. Иванова и А. Белого, на которой в числе оппонентов снова выступали нынешние идеологические союзники, Гумилев и Пяст: «<...> Третье заседание было 18-го февраля и было посвящено чтению и обсуждению докладов В. И. Иванова и В. Н. Бугаева <так! — А. Ч.> о символизме <...>. В прениях приняли участие: В. А. Пяст, В. А. Чудовской, Д. В. Кузьмин-Караваев, С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев» [Недоброво: 26–27].

Однако спустя всего несколько месяцев в ноябрьском номере журнала «Аполлон» выходит вторая рецензия Гумилева на тот же сборник стихов Пяста. Второй вариант рецензии демонстрирует интересное и весьма логичное развитие взаимоотношений Гумилева и Пяста.

Подобный случай существования «рецензий-дублетов» в практике Гумилева далеко не единственный. В свое время Гумилев написал по две рецензии на «Зеркало теней» В. Брюсова¹⁰, «Осенние озера» М. Кузмина¹¹, «Нежную тайну» Вяч. Иванова¹². Суждения, излагавшиеся Гумилевым во второй рецензии, обычно полностью противоречили первой¹³, однако во второй рецензии на «Ограду» одобрительная оценка сборника сохраняется.

На этот раз рецензия на сборник Пяста оказывается помещенной среди рецензий на П. Сухотина, С. Кречетова и альманаха «Смерть», и контекст здесь также играет решающую роль. Во вступлении к статье Гумилев задается вопросом о возможном векторе развития русской литературы: «Оказался ли достаточным опыт нескольких десятилетий символизма для детальной разработки вечных образов, для широких и уверенных шагов поэтической мысли, или наш организм не воспринял спасительного яда декадентства, и мы вернулись туда, откуда ушли, — как знать?» [Гумилев. Альманах: 19]. Ни участники декадентского альманаха «Смерть», ни стихотворения молодого символиста-подражателя Сухотина¹⁴ и идеологически далекого символиста¹⁵

¹⁰ См.: Гумилев Н. Валерий Брюсов. Зеркало теней // Аполлон. 1912. № 3–4. С. 99–100 и <Гумилев Н.>. Валерий Брюсов. Зеркало теней // Гиперборей. 1912. № 1. С. 27.

¹¹ См.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Михаил Кузмин. Осенние озера // Аполлон. 1912. № 8. С. 62 и <Гумилев Н.>. Михаил Кузмин. Осенние озера // Гиперборей. 1912. № 1. С. 28.

¹² См.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Вячеслав Иванов. Нежная тайна // Аполлон. 1913. № 3. С. 74–75 и <Гумилев Н.>. Вячеслав Иванов. Нежная тайна // Гиперборей. 1913. № 4. С. 27.

¹³ См. об этом статью: Чабан А. А. Два Гумилева: критик «Аполлона» и критик «Гиперборей» // Лесная школа: Труды шестой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе / Под. ред. А. Балакина, А. Долинина, А. Кобринского, О. Лекманова, М. Люстрова, Г. Обатнина. Пос. Поляны (Уусикирко) Лен. обл., 2010. С. 223–229.

¹⁴ Ср. мнение Гумилева о вопросе новизны: «Когда открываешь первую книгу стихов неизвестного поэта, — а Павел Сухотин действительно мало известен, — невольно спрашиваешь себя: какие новые вопросы пытается он затронуть, какие образы управляют его душой, какое у него отношение к миру, к себе, какая у него поза? Ждешь не

Кречетова¹⁶ не заставили Гумилева почувствовать нечто обнадеживающее. На этом фоне Пяст опять выигрывает: Гумилев не только говорит о вдохновенности поэта и свежести его поэтического дарования, но и о мудрости кропотливого работника. Это наилучшее сочетание качеств, по мнению Гумилева, для настоящего поэта¹⁷: «В “Ограде” <...> есть и дерзость юноши, и мудрая осторожность настоящего работника. <...> Пусть среди молодых лебедей русского символизма он не самый сильный, не самый гордый и красивый, — он самый сладкозвучный» [Гумилев. Альманах: 20–21].

По всей видимости, в это время Гумилев видел в Пясте союзника, поэта близкого как по духу, так и по взглядам на литературный процесс. Оба находились в лагере символистов, и оба хотели освобождения поэзии от застывших образцов символистской идеологии. Можно также предположить, что две благожелательные рецензии Гумилева на достаточно слабую книгу стихов

совершенней, — обещаний, намеков на обещания даже, и заранее прощаешь все, кроме бессодержательности. И грустно бывает, как в данном случае, не получить ответа на свои вопросы» [Гумилев. Альманах: 20].

¹⁵ Помимо занятий поэзией, Кречетов (Соколов) руководил издательством «Гриф», был редактором-издателем журналов «Перевал» и «Золотое руно». В письме к Брюсову от 2 августа 1907 г. Гумилев высказывает однозначное мнение по поводу деятельности Кречетова: «Ваше молчанье — совершенно справедливое возмездие для меня, но неужели оно продолжится вечно. Подумайте, что это может повергнуть меня в такое мрачное отчаянье, что я начну писать революционные стихи для «Перевала» и плагиаты-компиляции для «Золотого Руна». И на Вашу совесть ляжет гибель юноши» [Гумилев 1980: 34].

¹⁶ «В самом деле, образ каждого стихотворения Сергея Кречетова заимствован у какого-нибудь другого поэта» [Гумилев. Альманах: 20].

¹⁷ Ср. его мнение о Гомере: «Гомер оттачивал свои гекзаметры, не заботясь ни о чем, кроме гласных звуков и согласных, цезур и спондеев, и к ним приравнивал содержание. Однако, он счел бы себя плохим работником, если бы, слушая его песни, юноши не стремились к военной славе, если бы затуманенные взоры девушек не увеличивали красоту мира» [Гумилев 1910: 10].

Пяста оказались со стороны Гумилева неким «тактическим» шагом на пути установления более дружественных отношений¹⁸.

При каждом новом начинании Гумилев старается подключить Пяста к кругу своих единомышленников. Так, имя Пяста¹⁹ оказывается среди поэтов, обещающих свое сотрудничество в гумилевском журнале «Остров» (1909). Но если замысел журнала не оправдал себя²⁰, то новая организация «вне направлений» оказалась более перспективной и влиятельной.

Осенью 1911 г., организовывая «Цех поэтов», Гумилев приглашает туда и Пяста: «Дорогой Владимир Алексеевич, Вы приглашены в новый литературный кружок для чтения и обсуждения стихов. <...> Уважающий Вас Н. Гумилев»²¹ [Тименчик 1981: 56]. Примечателен и особый выбор символистов для «Цеха»: кроме Пяста приглашения были разосланы А. Толстому, М. Кузмину, А. Блоку. Все перечисленные поэты не являлись приверженцами самых влиятельных поэтических центров того времени: круга Мережковских, Вяч. Иванова и В. Брюсова и, подобно Гумилеву, также на разных этапах своего пути скептически их оценивали. Очередное объединение молодых поэтов, создающееся в противовес старой школе, действительно вызвало одобрение у Пяста. Впоследствии он вспоминал: «<...> В общем был “Цех” благодарной для работы средой именно той “рабочей комнатой”»,

¹⁸ Не случайным представляется мнение одного из критиков, учтившего и другого акмеиста, С. Городецкого, в некотором чрезмерном заискивании перед В. Пястом. В свете этого тактика Гумилева могла оказаться общей для обоих будущих акмеистов, начинавших сближаться: «Отрицая в период «стихийности» быт, принимая вечную сказку о возрожденном мире, он слагал гимны В. Иванову, М. Кузмину <так! — А. Ч.> и В. Пясту. Теперь его симпатии переместились: он хочет *по-новому* назвать все явления мира» [Дмитриевич: 33–34].

¹⁹ См. анонс «Острова» // Речь. 1909. 24 апреля. № 110. С. 5.

²⁰ Известно, тем не менее, о намерении Городецкого, Гумилева, Мандельштама и Пяста продолжить издание журнала. См.: Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1973. Вып. 34. С. 265.

²¹ Интересно, что даже спустя много лет Пяст помнил об этом личном приглашении, о чем не замедлил упомянуть и в воспоминаниях [Пяст 1997: 141].

которую провозгласил в конце своей статьи «Они» покойный И. Ф. Анненский» [Пяст 1997: 142].

Лекция В. Пяста с красноречивым названием «Поэзия вне направлений», прочитанная 7 декабря 1913 г. в Тенишевском училище, показывает, насколько серьезно поэт воспринял идеи Гумилева.

Согласно сохранившимся газетным отчетам и тезисам лекции, выступление было ориентировано на характеристику новых литературных течений, футуризма и акмеизма.

В литературном сезоне 1913 г. лекции о футуристах были не новостью: уже успели сделать доклады К. Чуковский²², Г. Чулков²³, Ф. Сологуб²⁴, Л. Столица²⁵. Выступление Пяста разительно отличалось от выступлений предшественников. В первую очередь, слушателей поразил не свойственный другим литераторам благодушный тон, который принял докладчик по отношению к новым поэтам: «Г. Пяст взял тон благожелательный в отношении всех своих товарищей» [Абрамов: 2], — сообщила газета «День». Небольшой скандальный инцидент, произошедший на лекции, также свидетельствует о неожиданном для всех положительном настрое автора: «Последние <футуристы. — А. Ч.>, по видимому, ожидали жестокой критики, так как пытались сорвать лекцию. Три молодых человека уже в самом начале прерывали лектора бранными восклицаниями, а один из них, пьяный, с чучелом кошки в руках, был выведен полицией из зала» [Без подписи Речь. 1913: 2]. Симпатия, проявленная Пястом к футуризму, позволила редакции газеты «Петербургский листок» назвать его «правым футуристом» [Без подписи Листок: 4].

По всей видимости, Пяст, отличавшейся своим мягким нравом, всего лишь пытался не обвинять футуристов в излишнем эпатаже, как предыдущие лекторы. Так, газета «Биржевые ведомости»

²² <Без подписи>. К. Чуковский о футуристах // Утро России. 1913. № 246. 25 октября. С. 5.

²³ <Щ.> Искусство и жизнь (лекция Г. Чулкова) // День. 1914. № 16 (17 января). С. 4.

²⁴ <Без подписи>. «Искусство наших дней» (Лекция Ф. К. Сологуба) // День. 1913. № 58 (2 марта). С. 3.

²⁵ <Без подписи>. Вечер поэзии К. Д. Бальмонта // Русские ведомости. 1913. № 282 (7 декабря). С. 4.

мости» более четко обрисовывает сказанное Пястом о футуристах: «Лектор проявил гораздо большую степень убедительности в характеристике отрицательных сторон футуризма, его, так сказать, жалкого настоящего, чем в раскрытии “прекрасных возможностей” этого литературного течения. Он признает, что футуристы платят слишком большую дань требованиям дурного тона» [Без подписи Бирж. вед.: 2]. То, что Пяст считал снисходительностью²⁶, многие посчитали выражением восторга. В итоге уже через несколько месяцев Пясту пришлось публично отмежевываться от союза с футуристами²⁷.

Однако наиболее неожиданным для современников и действительно ценным в выступлении оказывается мнение автора об акмеизме. Вопреки общей тенденции символистского лагеря, поддержавшего футуристов²⁸, В. Пяст сделал основную ставку именно на акмеистов, в частности, на Ахматову и Мандельштама. Столичные газеты редко сообщали о менее «зрелищных», по сравнению с футуристами, акмеистах, но здесь не смогли умолчать: «Если, начиная с О. Мандельштама, протянулись Гималаи нового Парнаса, если мы так взысканы милостью богов, то почему же все это великолепие не создало в нашей поэзии яркого, блистательного праздника вместо серых будней» [Абрамов: 2], — негодовал журналист «Дня». Газета «Речь», в которой сотрудничали акмеисты Гумилев и Городецкий, более развернуто изложила мысль докладчика: «<...>Лектор с большой теплотой говорил о поэтах <...>. Мандельштама он провозгласил “поэтом-философом” и сравнивал его с А. Блоком. Но особенно много восторга выражал лектор перед поэзией Ахматовой» [Без подписи Речь. 1913: 31].

²⁶ См. мнение «Речи»: «Лектор отнесся к футуристам довольно снисходительно, особенно к стихам Николая Бурлюка» [Без подписи Речь. 1913: 2].

²⁷ Данный эпизод подробно описан в кн.: *Крусанов А. В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. М., 2010. Т. 1. Кн. 2. С. 315.

²⁸ См.: *Брюсов В.* Новые течения в русской поэзии. Футуристы // Русская мысль. № 3; *Сологуб Ф.* Предисловие // Игорь Северянин. Громокопящий кубок. СПб., 1914.

Интересно, что Пяст называет лучшими поэтами именно Ахматову и Мандельштама — тех, на кого более всего возлагал свои надежды и Гумилев. Симпатии Пяста по отношению к акмеистам были замечены окружающими. В программной брошюре футуристов «Идите к черту!», вышедшей в конце марта 1914 г., Пяст оказался уже в ряду акмеистов: «А рядом выползла свора адамов с пробором — Гумилев, С. Маковский, С. Городецкий, Пяст, попробовавшая прицепить вывеску акмеизма <...>» [Бурлюк: 2].

Однако, согласно тезисам лекции «Поэзия вне направлений», Пяст стремился возвести генеалогию акмеистов к символизму (пункт «“Школы”, возникавшие из символизма. Акмеизм» [Пяст 1997: 357]). В своих воспоминаниях, одобрительно высказываясь об акмеистах, Пяст не забывает вспомнить об их «символистском» прошлом: «Действительно, оба они <Гумилев и Городецкий. — А. Ч.>, в особенности Гумилев, всем своим творчеством, “корнями”, так сказать, “вросли” в “символизм”» [Там же: 141]. Пяст, безусловно, был прав, поскольку большинство поэтов-акмеистов прошли через школу символизма. Кроме того, манифест Гумилева также сохранял эту идею преемственности («Наследие символизма и акмеизм»), однако именно здесь, как кажется, находился главный пункт расхождения символиста Пяста и акмеиста Гумилева. Пяст хотел, чтобы русская поэзия получила толчок для дальнейшего развития, но только от символизма. Поэтому он всегда старался напомнить акмеистам об их символистском наследии (как в лекции) и вступал с ними в полемику, если те отрекались от символизма. Так, через несколько месяцев после лекции в Тенишевском училище, газеты зафиксировали еще один случай публичного выступления Пяста, где поэт оказывался на стороне защитников символизма: «Состоялся доклад С. М. Городецкого “Об акмеизме и его критиках” <...> Выступили с небольшими замечаниями В. Пяст, А. Кремлев, г. Лавринович и др., но обсуждение не было закончено и перенесено на следующее заседание» [Без подписи Речь. 1914: 6]. Симпатии Пяста к футуристам Гумилев, как и другие акмеисты, также не разделял²⁹.

²⁹ См., к примеру, отзыв на сб. футуристов «Орлы над пропастью» и «Садок Судей II»: Гиперборей. 1912. № 3. С. 28 и Гиперборей. 1913. № 5. С. 29 соответственно.

Завершающим этапом в истории творческого союза Гумилева и Пяста можно считать рецензии поэтов на второе издание книги стихов О. Мандельштама «Камень». В январе 1916 г. в «Аполлоне» выходит рецензия Гумилева, в которой отмечаются явные достоинства книги, при этом подчеркивается, что рецензируемый поэт — акмеист и не имеет никакой связи с символизмом: «С этой поры поэт становится адептом литературного течения, известного под названием акмеизма. <...> Теперь он говорит о своей человеческой мысли, любви или ненависти и точно определяет их объекты» [Гумилев 1916: 56].

Рецензия Пяста вышла 21 января 1916 г. в газете «День». Можно предположить, что Пяст успел ознакомиться с рецензией Гумилева, поскольку в его собственном отзыве содержится полемическая составляющая. Пяст воспроизводит здесь собственные положения из прочитанной им лекции. В частности, он горячо приветствует О. Мандельштама, снова называет его поэтом-философом и, в противовес Гумилеву, пытается проследить его путь от символизма к акмеизму:

В них <стихотворениях. — А. Ч.> везде живая изобразительность языка, живое проникновение в эстетическую сущность изображаемого с легким юмором, прозаического, будничного предмета. Хороши и архитектурные мотивы поэта, особенно «Адмиралтейство», где автор становится символистским <так! — А. Ч.>, где он безусловно и искусно возвышается до философского выражения зодческой идеи [Пяст 1916: 5].

Литераторы кардинально расходятся во мнениях, однако при всей разнополярности установок, как ни странно, отмечают схожие достоинства книги стихов: называют Мандельштама мастером-архитектором, говорят о тонкости душевных переживаний, о новом этапе развития поэта.

История временного творческого союза Н. Гумилева и В. Пяста позволяет заключить, что символисты и акмеисты не всегда оказывались диаметрально противоположными в своих воззрениях, а иногда находили единомышленников и в другом лагере, что свидетельствует как об эстетической неоднородности символистов, так и об особой позиции двух поэтов — Гумилева, умевшего найти союзников даже в стане потенциальных оппонентов,

и Пяста, стремящегося к новаторству в литературе, но оставшемуся верным заветам символизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов: *Абрамов Е.* Современная поэзия // День. 1913. 8 декабря.
 Без подписи Бирж. вед.: <Без подписи>. Поэзия вне групп // Биржевые ведомости (Утренний выпуск). 1913. 8 декабря.
 Без подписи Листок: <Без подписи>. Футурист-скандалист // Петербургский листок. 1914. № 77. 20 марта.
 Без подписи Речь. 1913: <Без подписи>. Поэзия вне групп // Речь. 1913. № 337.
 Без подписи Речь. 1914: <Без подписи>. В Литературном обществе // Речь. 1914. № 65 (8 марта).
 Белый: *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. М.; Л., 1930.
 Бурлюк: *Бурлюк Д., Крученых А., Лившиц Б., Маяковский В., Северянин И., Хлебников В.* Идите к черту! // Рыкающий Парнас. Футуризм. Деятели книги. Стихи. <СПб.>, <1914>.
 Гумилев 1910: *Гумилев Н.* Жизнь стиха // Аполлон. 1910. № 7. С. 7.
 Гумилев 1916: *Гумилев Н.* Осип Манделъштам. Камень. Издание 2-е // Аполлон. 1916. № 1.
 Гумилев 1980: *Гумилев Н.* Неизданные стихи и письма. Paris, 1980.
 Гумилев. Альманах: *Гумилев Н.* Альманах «Смерть» и др. // Аполлон. 1909. № 2.
 Гумилев. Белый: *Гумилев Н.* Андрей Белый. Урна // Речь. 1909. 4 мая.
 Гумилев. Пяст: *Гумилев Н.* Владимир Пяст. Ограда // Речь. 1909. 6 июля.
 Дмитриевич: *Дмитриевич С.* Бессилие современной критики (Заметки библиографа) // Хмель. 1913. № 7–9.
 Минц: *Минц З. Г.* Переписка Блока с Пястом // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981.
 Недоброво: *Недоброво Н. В.* Общество ревнителей художественного слова в Петербурге // Труды и дни. 1912. № 2.
 Пяст 1916: *Пяст В.* Новости литературы. О. Манделъштам. Камень // День. 1916. № 20 (21 января).
 Пяст 1997: *Пяст В.* Встречи / Сост., вступ. ст. и коммент. Р. Тименчика. М., 1997.
 Тименчик 1977: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме (III) // Russian literature, 1977. Т. 5. № 3.
 Тименчик 1981: *Тименчик Р. Д., Щербаков Р. Л.* Переписка Блока с А. А. и С. М. Городецкими // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981.